

Сценарий — Санкт-Петербург — 1992 — 18 апр.

«Его будет не хватать всегда...»

20 АПРЕЛЯ ПАВЛУ ЛУСПЕКАЕВУ ИСПОЛНИЛОСЬ БЫ 65 ЛЕТ

КАКОЙ это был актерине! Какой человечине! Все в нем поражало мощью — рост, голос, талант. И, конечно, само его здоровье отсюда, из зрительного зала, тоже казалось богатырским. Увы...

В угольно-черных армянских глазах (это — от отца) сверкали молнии. Низкая, густая хрипота речи, окрашенная легким украинским акцентом (это — от матери), завораживала. Всего-то лет пять или чуть больше успел поиграть на сцене БДТ, а как запал в наши души. Даже в души тех, кто побывал на его спектакле лишь один-единственный раз.

Мне посчастливилось: видел Луспекаева во всех его ролях.

Помню огненивоволосого, какого-то взъерошенного, в ките инженера-путейца Черкуна из горьковских «Варваров», за внешне романтическим обликом которого зияла пустота. Помню Виктора из «Иркутской истории», беззастенчивого дышала-«гегемона», тоже как бы «варвара», но уже советской эпохи... И романтического матроса Гайды из «Гибель эскадры» (как журналист, а

впервые с артистом встретился на репетиции именно этого спектакля). И негра Галлена в «Не склонивших головы», обреченного, ожесточенного, но в то же время полного высокой доброты к людям, скованного одной цепью с другим беглецом, белым Джексоном, — это был неповторимейший дуэт Луспекаева и Копеляна! И великолепного Бонара в «Чертвертом» помню. И, конечно же, — колоритнейшего Макара Нагульнов в «Поднятой целине». Можно сколько угодно посмеиваться сейчас над теми, для кого когда-то главной целью стала «мировая революция», «борьба за всеобщий интернационал», но луспекаевский Нагульнов в этой своей безоглядности, истовой вере, в неприятии тех, у кого «кровь заржавела», был великолепен. Казалось, он заполнял собой все пространство, весь зрительный зал.

НА БРЕГА Навы актер перебрался с берегов Днепра. И, хотя рядом на прославленной сцене играли Лебедев, Доронина, Копелян, Стрельчик, Смоктуновский, Маварова,

Лавров, Юрский, — он, новичок, в этом великолепном ансамбле не только не затерялся ни на миг, но сразу же в музыку «звезд» влил свою, особую, — именно луспекаевскую мелодию...

Казалось, темперамента, сил у него — на десять жизней! И мы, в зале, даже не подозревали, каких мук почти всякий раз стоил артисту выход к зрителю. За его плечами уже была большая биография: в шестнадцать лет — фронт, партизанский отряд, ранение. И неизлечимая болезнь сосудов пришла к нему тоже тогда. Категорически нельзя было курить, но — курил. Советовали не пить — смеялся. Жил широко, размашисто, страстями. Ноги болями нестерпимы. Врачи предложили ампутацию. По колено. Отказался. В эти дни в театре репетировали «Горе от ума», и Складунову у него получался потрясающий. После первого прогона Товстоногов сказал: «Полностью в стиле спектакля пока только один человек — Навы». Но премьеру выпустили без Луспекаева: болезнь потеснила вилатную.

Ампутировали обе ступни. О театре уже не могло быть и речи. Учился ходить на костылях, с палкой. Хорошо, что вспоминал про него в кино, на телевидении.

Так — в зловых физических муках — рождались и Косталмед в «Республике ШКИД», и Кожемякин, и Ноздрев. И бесподобный Веренигин из «Белого солнца пустыни» — с его грустной песней — про то, что «не везет мне в смерти, повеет в любовь»...

Оказалось: след это — и про себя.

В смерти ему действительно не повезло: умер слишком рано, не дожидая сорока трех. Умер на съемках многосерийного телесериала «Вся королевская рать».

А вот в нашей любви ему повезло: сколько лет минуло, но созданное Луспекаевым ощущается все острее, все пронзительнее.

ОН не успел сыграть Бориса Годунова. Он не успел сыграть Отелло — об этом очень мечтал Товстоногов. Спустя время, вспоминая замечательного артиста, Георгий Александрович писал: «Только потеряв его, мы поняли, каким поразительным, самобытным талантом был Павел Борисович Луспекаев. Он принадлежит к разряду незаменимых. Его место в театре и по сей день вакантно. Его будет не хватать всегда...»

«Ваше благородие, госпожа удача! Ну почему к этому спертзительному, самобытному таланту ты оказалась такой недоброй? Ну почему общлась с ним так чудовищно несправедливо? Ну почему?»

Лев СИДОРОВСКИЙ

184.92.

Луспекаев П.